

Языковая личность писателя-«билингва»

Ю.В. КРАВЦОВА

В статье рассматривается проблема языковой личности писателя. На основе анализа лингвистических работ по теории языковой личности и метапоэтики, а также результатов исследования автором произведений русских поэтов-прозаиков первой половины XX в. разработана модель языковой личности писателя-«билингва», выявлены причины обращения поэта к прозе, определяющие специфику его художественного мышления.

Ключевые слова: языковая личность, метапоэтика, писатель-«билингв», проза, художественное мышление.

The article examines the problem of language personality of a writer. On the basis of the analysis of the linguistic works on theory of language personality and metapoetics, together with the results of the author's research of the works of Russian poets-prosaists of the first half of the XXth century, the model of language personality of a "bilingual" writer is developed, the motives of the poet's appeal to prose that determine a specificity of his artistic thinking are discovered.

Keywords: language personality, metapoetics, "bilingual" writer, prose, artistic thinking.

Изучение языковой личности писателя, владеющего двумя формами словесно-художественного творчества – стихотворной и прозаической – его литературного наследия, представляется важным для определения своеобразия индивидуально-авторского осмысления действительности, особенностей реализации смыслового потенциала слов, характера взаимосвязи и степени взаимопроникновения образных средств в его поэзии и прозе.

Понятие языковой личности относится к числу наиболее сложных, емких, «многослойных» понятий лингвистики. Основы исследования языковой личности были заложены в трудах В. Гумбольдта, Г. Гердера, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Ю.Н. Караулова, М.М. Бахтина и др. Так, В.В. Виноградов [2] рассматривал языковую личность в контексте проблем художественной речи, осознавая, что за каждым текстом стоит личность автора, поэтому под языковой личностью он понимал личность писателя, владеющего системой языка. Теория языковой личности основательно разработана Ю.Н. Карауловым и продолжает активно развиваться в работах С.Г. Воркачева, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, К.Ф. Седова и др.

В лингвистических исследованиях термин «языковая личность» имеет различные интерпретации: личность автора, который, используя свой тезаурус, создает тексты на основе индивидуальных знаний о мире, зафиксированных в значениях слов и ассоциативно-вербальных комплексах, соответствующих национально-психическому состоянию ума и личной заинтересованности в интерпретации определяемых фактов [5]; человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности [3]; человек, участвующий в коммуникации [4] и др. Определяя личность как языковую, исследователи дают характеристику способностям человека к речемыслительным действиям, объективируя «черты личности, актуализированные с помощью языковых средств» [7, с. 36]. Основным признаком личности является, как известно, наличие сознания и самосознания, следовательно, главный признак языковой личности – наличие языкового сознания и языкового самосознания. Под сознанием и самосознанием понимается общее мировидение, выражающееся в языке и речи, включающее в себя два взаимосвязанных аспекта – представления о мире (во всех материальных и духовных проявлениях), закрепленные в языке, и представления о языке, включая вопросы прагматики. Поэтому языковая личность, социальная по своей сути, неизбежно отражает и национально-культурный компонент своего сознания, т. е. она этноспецифична.

Ю.Н. Караулов трактует языковую личность как «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этнический и др. компоненты,

преломленные через ее язык, ее дискурс» [5, с. 16]. В разработанной ученым модели языковой личности выделяются три уровня: 1) вербально-семантический (запас слов и словосочетаний, используемый индивидуумом в процессе общения и демонстрирующий как уровень владения языком в целом, так и субъективность выбора языковых средств, степень нарушений литературных норм); 2) лингвокогнитивный (совокупность концептов, отражающих индивидуальные представления носителя языка об окружающей действительности); 3) мотивационный («коммуникативно-деятельностные потребности», определяющие индивидуальные особенности языковой личности). Критериями выделения данных уровней соответственно являются типовые единицы – слова, концепты и коммуникативно-деятельностные потребности, отношения между этими единицами и стереотипы их объединения в определенные комплексы [5]. Такая трехуровневая модель позволяет рассматривать разнообразные качественные признаки языковой личности в рамках трех релевантных характеристик – собственно языковой, когнитивной и прагматической.

В лингвистических исследованиях последних лет используются различные подходы к изучению языковой личности. Так, В.И. Карасик [4] все имеющиеся по данной проблеме работы группирует по таким направлениям: 1) психологическое (разработаны различные классификации характеров: от античной модели темпераментов до теории акцентуированных личностей); 2) социологическое (выделены и описаны языковые индикаторы определенных общественных групп: от индикаторов социальной идентичности в малых группах до индикаторов коммуникативного поведения больших групп); 3) культурологическое (разработаны модели лингвокультурных типажей, которые демонстрируют нормы коммуникативного поведения данной лингвокультуры); 4) лингвистическое (описаны модели коммуникативного поведения разных носителей языка, дана их характеристика с позиций языковой компетенции и др.). И.А. Сеница [7], анализируя существующие работы по проблемам языковой личности, подразделяет их на две основные группы: 1) работы, ориентирующиеся на принципы анализа, предложенные Ю.Н. Карауловым, и соответственно рассматривающие языковую личность как одну из обобщающих категорий лингвистики, которая обладает признаками системной организации с соответствующим набором средств реализации; 2) работы, опирающиеся на тезисы В.В. Виноградова и трактующие языковую личность как личность, обладающую коммуникативными, социально-историческими, этнонациональными и другими особенностями, отраженными в системе специфических языковых средств.

Синтезируя и развивая идеи В.В. Виноградова и Ю.Н. Караулова, будем рассматривать языковую личность поэта-прозаика как личность, обладающую высоким уровнем языковой компетенции, имеющую способности к литературному творчеству и художественным обобщениям, наделенную особым восприятием окружающей действительности и владеющую двумя формами словесного искусства – стихотворной и прозаической. Поэзия и проза в творчестве одного автора – это уникальное лингвохудожественное явление, получившее название литературного «билингвизма» [9]. Суть такого явления состоит в том, что поэт активно использует в своем творчестве прозаическую форму для решения художественно-эстетических задач в области поэтического языка и расширения способов образного воплощения своего замысла, не уместяющегося в границах стихотворной формы (или наоборот, прозаик применяет стихотворную форму как средство реализации его творческих поисков, хотя это более редкое явление в литературе). Особенно ярко подобный «билингвизм» проявляется в русской литературе первой половины XX в. – в это время практически невозможно найти поэта, который бы не стремился к прозаической форме выражения (И. Анненский, А. Ахматова, А. Белый, В. Брюсов, И. Бунин, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Кузмин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, И. Сельвинский, М. Цветаева и др.).

В содержание понятия языковой личности писателя-«билингва» включаем такие компоненты, как: 1) собственно языковой (речевой), подразумевающий совокупность языковых средств, которыми владеет данная личность и использует в своей литературно-творческой деятельности, – при этом важными показателями выступают уровень владения языком, индивидуальный выбор различных языковых средств, обладающих большим экспрессивным потенциалом, вариативность словоупотребления и определенная степень нарушений норма-

тивных правил литературного языка, проявляющаяся в случаях окказионализации, семантической трансформации и др., что присуще писателю вообще, а также ориентация на «память слова», реализуемая в «близнечных» контекстах, использование одинаковых приемов словоупотребления в разных формах словесно-художественного творчества, расширение диапазона семантических средств, ритмическая организация не только поэзии, но и прозы; 2) лингвокогнитивный, характеризующий интеллектуальные способности личности, особенности его познавательной-мыслительной деятельности, уровень и специфику образного (в том числе метафорического) мышления; 3) лингвокультурологический, отражающий этно- и социокультурную компетенцию автора, степень освоения концептосферы данного лингвокультурного сообщества, в котором формируется творческая личность, ее умение адекватно интерпретировать значимые для данного социума события, способы репрезентации действительности в поэзии и прозе; 4) художественно-эстетический, представляющий собой систему художественных ценностей и творческих принципов, которая обнаруживается в следовании определенным правилам и законам словесного творчества, литературным традициям и в то же время в способности данной личности к индивидуально-специфическому видению мира, проявляющемуся в многообразии способов художественного отражения действительности в поэзии и прозе; 5) мотивационный (прагматический), реализуемый в способности данной личности творчески интерпретировать приобретенный опыт, выражать свое личностное отношение к тем или иным социокультурным явлениям, свободно выбирать факты, события, ситуации в качестве объектов художественного осмысления, субъективно оценивать описываемое, а также в потребности личности-поэта выразить свои мысли и идеи в прозе, которая становится как бы продолжением его поэзии. Критериями выделения данных компонентов являются типовые единицы – слова и их сочетания (языковой компонент), модели ситуаций, концепты (лингвокогнитивный и лингвокультурологический компоненты), приемы использования языковых единиц (художественно-эстетический компонент) и мотивации (мотивационный компонент), отношения между этими единицами и стереотипы их объединения в определенные комплексы.

Обращение поэта к прозе может быть обусловлено целым рядом причин. В психологии поэта-прозаика часто заложено понимание прозы как продолжения не высказанных и недосказанных в поэзии мыслей, поэтому их проза становится своеобразным комментарием к стихам. Так, поэт-прозаик И. Бродский отмечал: «В обращении поэта к прозе есть всегда некий мотив снижения темпа, переключения скорости, попытки объясниться, объяснить себя» [1, с. 29], т. е. проза для поэта становится способом психологического и стилистического раскрепощения, а также расширения возможностей языка. В процессе такого развития поэзии в прозе писатели-«билингвы» (А. Белый, И. Бунин, М. Цветаева и др.) не стирают, а как бы перемещают грань, существующую между двумя формами словесно-художественного творчества в массовом сознании. И. Бродский, анализируя творчество М. Цветаевой, отмечал, что проза была для нее «всего лишь продолжением поэзии», что обусловлено «перенесением методологии поэтического мышления в прозаический текст, с развитием поэзии в прозу» [1, с. 66]. Сама М. Цветаева свои произведения в прозе тоже относил к работе поэта: «Я поэт, умеющий и думать (писать прозу)» [8, с. 126]. Она писала о поэзии и прозе, о работе поэта и прозаика следующим образом: «работа прозаика протекает, главным образом, в мысли, а не в слове, в замысле, а не в слове – мысль переводится в слово – у поэта мысль и слово рождаются одновременно»; «проза поэта – другая работа, чем проза прозаика, в ней единица усилия (усердия) – не фраза, а слово, и даже часто слог» [8, с. 158]. Творчество поэта в прозе, создающей иллюзию более последовательного развития мысли, чем поэзия, само по себе оказывается как бы косвенным доказательством того, что эмоционально-духовное переживание является иногда менее существенным, что возможны переживания более высокого, интеллектуального порядка, заставляющие читателя не только сопереживать, но как бы соразмышлять с автором. Проза поэта выглядит как продолжающийся монолог лирического героя, требующего собеседника.

Существуют и другие причины обращения поэта к прозе. По мнению М. Цветаевой, это «любопытство, страсть к познанию и страх его» [8, с. 13]. Обращаясь к прозе, поэт дока-

зывает свою «царственность», свою поэтическую сущность. «Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур: Два вопроса: сумеешь ли ты и без пурпура быть царем (и без стиха быть поэтом)? Сумеешь ли ты им – царем или поэтом – не быть? Есть ли поэт (царственность) – неотъемлемость, есть ли поэт в тебе – суть?» [8, с. 14]. Иначе говоря, проза поэта позволяет по-другому увидеть суть поэтического творчества и разные грани писательского таланта.

Одной из таких причин является и внутренняя природа творчества, когда переход к прозе является органичным процессом продолжения характерных особенностей поэтической технологии. «Проза поэта является лучшей лабораторией для исследования психологии поэтического творчества» именно потому, что «в прозе поэта все стадии процесса явлены чрезвычайно крупным планом» [1, с. 66]. Так, Р.О. Якобсон описывает логику творческого развития Б. Пастернака: «Параллельно тому, как растет автономность литературного призвания Пастернака, его язык перестраивается: романтический и эмоциональный в своем начале, он становится языком об эмоциях, и этот описательный аспект находит самое яркое выражение в прозе поэта» [9, с. 331].

И. Бродский называет также другие причины обращения поэта к прозе: «поэту может просто захотеться в один прекрасный день написать что-нибудь прозой: существуют сюжеты, которые ничем, кроме прозы, не изложить: размышления на исторические темы, воспоминания детства в свою очередь выглядят естественнее в прозе»; «нужда или невежество рецензента, не говоря уже о простой почте, рано или поздно заставят его [поэта] писать в строчку, как все люди» [1, с. 65–66], т. е. творческое вдохновение или, напротив, материальная необходимость. Следовательно, обращение к прозе возникает на определенном этапе жизненного пути поэта и обусловлено в значительной степени причинами личностного характера. Однако чаще всего это связано с необходимостью переосмысления сделанного, поиска нового состояния, «ибо только оглянувшись можно перевести дыхание» [1, с. 70].

Анализ литературы по проблеме литературного «билингвизма» (Р.О. Якобсон, Н.А. Кожевникова, Л.А. Новиков, Н.А. Фатеева, А. Юнгрен и др.) и наши наблюдения [6] свидетельствуют о том, что такое творческое «двуязычие» проявляется в: 1) существовании некой «памяти слова», наличии «близнецных» контекстов; 2) увеличении степени «свободы» художественного слова, свободном перемещении его из поэзии в прозу и наоборот; 3) расширении диапазона языковых средств; 4) многообразии способов художественного отражения действительности; 5) своеобразии ритмики, особой лирической интонации. При этом возвращение к одним и тем же образам, темам и приемам не исключает стремления поэта-прозаика к обновлению способов изображения – возникает сложное сочетание постоянного и переменного, свидетельствующее о самобытном таланте поэта-прозаика.

Таким образом, языковая личность поэта-прозаика представляет собой личность, обладающую высоким уровнем языковой компетенции, имеющую способности к литературному творчеству и художественным обобщениям, наделенную особым восприятием окружающей действительности и свободно владеющую разными формами словесного искусства. Последнее проявляется в том, что проза для поэта становится логическим продолжением его поэзии, своеобразным комментарием к стихотворным текстам, попыткой рассказать и объяснить то, что осталось недосказанным в стихах. Однако это не означает, что проза поэта является менее ценной в художественном отношении, преимущественно она так же талантлива, как и поэзия. Кроме того, при вариативности форм творческого выражения единство языковой личности писателя-«билингва» сохраняется, что раскрывает сущность его художественного мышления.

Литература

1. Бродский о Цветаевой : интервью, эссе / Вступ. ст. И. Кудровой. – М. : Независимая газета, 1997. – 208 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.

3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
4. Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 260 с.
6. Кравцова Ю.В. Явление поэтического «билингвизма» в русской литературе / Ю.В. Кравцова // Південний архів. Філологічні науки : зб. наук. праць / Отв. ред. Ю.І. Беляев. – Херсон : Вид-во ХДПУ, 2002. – Вип. XV. – С. 194–197.
7. Сеница И.А. Языковая личность ученого-гуманитария XIX века / И.А. Сеница. – К. : Изд. Дом Д. Бураго, 2006. – 350 с.
8. Цветаева М.И. Неизданное. Семья : история в письмах / М.И. Цветаева ; сост. Е.Б. Коркина. – М. : Эллис Лак, 1999. – 592 с.
9. Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака / Р. Якобсон ; пер. с нем. О.А. Седаковой // Якобсон Р. Работы по поэтике. – М. : Прогресс, 1987. – С. 324–338.

Национальный педагогический университет
им. М.П. Драгоманова, Киев, Украина

Поступило 21.11.11